

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Моя очередь
развлекаться

Повесть

Праздник
теней

Повесть

ВМ

Марина С. Серова
Моя очередь развлекаться
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181104
Моя очередь развлекаться : Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-19192-5*

Аннотация

Маниакальное тщеславие заставляет Дмитрия Алексеевского вести видеодневник собственных преступлений. Пленка с этим фильмом попадает в руки Тианы, жениха которой он убил. Пластическая операция, изменившая внешность Дмитрия, новая фамилия и даже мнимая смерть не помешали девушке опознать убийцу. Правда, новая встреча с ним едва не стоила ей жизни. Разоблачить преступника решает частный детектив Татьяна Иванова. Удастся ли ей заманить в ловушку маньяка и освободить из заточения Тиану – единственную свидетельницу его преступлений?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марина Серова

Моя очередь развлекаться

Глава 1

На Воздвиженском городском кладбище в этот день было совсем безлюдно. Честно говоря, я нечасто сюда приезжаю, но уж если соберусь на могилу любимой бабушки, стараюсь делать это не во время традиционных народных посещений – на Пасху, в родительский день...

Густые многолетние деревья создавали тень и прохладу, в то время как на солнце было почти 30 градусов. С букетом цветов, купленным у старушки при входе на кладбище, я не торопясь прошла между холмиков и надгробий к знакомому участку.

Пошел уже второй десяток лет, как бабушки не стало, но у меня перед глазами она до сих пор стоит словно живая. Деловитая была, бойкая, всю жизнь проработала учительницей. А красивая – мужики до самой старости вокруг нее вились! Только она в строгости воспитывалась и меня на этот счет частенько поучала.

Так, погруженная в воспоминания, я довольно долго просидела на скамеечке в пределах немудреной железной ограды. Потом чуточку прибрала могилку и так же не торопясь

пошла обратно.

Пребывая в лирическом настроении, я рассеянно скользила взглядом по надписям и фотографиям на надгробиях: сколько судеб, страстей, бед и радостей пережили в свое время эти люди!

Вот, например, совсем еще молодой парень: с традиционной овальной фотографии смотрит красивое, умное, открытое лицо. Ему бы в кино сниматься! И обозначены годы жизни: 1965—1997, всего-то тридцать два лета прожил! Какой-то Дмитрий Алексеевский...

Интересно, кем он был и что с ним случилось, почему он оказался здесь так рано?

Я даже начала про себя фантазировать: погиб в какой-нибудь Чечне? Убит некими подонками? Покончил с собой от великой и несчастной любви?

Видимо, я достаточно долго здесь задержалась, потому что тот, кто тронул меня вежливо сзади за локоть, должно быть, решил, что я имею прямое отношение к этой могиле.

– Простите, пожалуйста, вы знали Дмитрия?

Я обернулась. За мной стояла молодая женщина не старше тридцати лет, одетая легко и модно (по сезону и погоде), выглядевшая как модель с подиума. В меру макияжа, глаза чуть удлиненные, сразу не определишь, какого цвета, но притягивающие.

Через плечо у нее небрежно перекинута белая маленькая сумочка, в правой руке дымится длинная коричневая сига-

ретка.

В общем, явление всем своим видом было не кладбищенским. Как правило, тут (особенно неожиданно) сами знаете, кто появляется. Но уж никак не красотки такого пошиба.

Я решила ответить вопросом на вопрос:

– Значит, это вы его знали?

Незнакомка мягко улыбнулась:

– Все же вежливее было бы вам ответить, так как я задала вопрос первая.

Я не стала, как говорится, «лезть в бутылку» и сказала:

– Нет, я, к сожалению, никогда не знала этого молодого человека.

Женщина бросила сигаретку в траву, недоверчиво пожевала накрашенными губками и задала следующий, вполне резонный вопрос:

– А почему же, извините, вы так долго и задумчиво стоите перед этим надгробием?

– Вы за мною следили? – с ноткой возмущения в голосе осведомилась я.

– Нет, но пока я пробиралась сюда через тропинки и закоулки между могилами, вы стояли здесь. Наверняка это не случайно.

– Хорошо, сейчас я все объясню. – Я уже начала раздражаться от неожиданного, вежливого, но весьма недоверчивого допроса. – Мне просто стало интересно: кем был этот красивый молодой человек и отчего он умер или погиб. Вот

я и задумалась, перебирая различные версии...

Незнакомка опять мягко улыбнулась, достала из сумочки пачку сигарет, затем сказала:

– Вы сейчас говорите, как милиционер: «различные версии...»

– Я не милиционер, но по профессии близка к этому, так как работаю частным детективом.

Развернувшись, я решительно направилась в сторону выхода с кладбища, почти проклиная себя за минутную слабость: какая-то неизвестная дамочка позволяет себе черт знает что, а я послушно отвечаю ей... Но не успела пройти и пяти шагов, как та же рука уже более настойчиво схватила меня сзади за локоть.

Я едва сдержалась, чтобы не развернуться и не съездить ей по смазливой мордашке. Но, к своему удивлению, услышала следующее:

– Прошу меня извинить, если чем-то обидела вас. Но вы мне очень нужны по важному делу.

Я остановилась и обернулась. На лице незнакомки было такое умоляюще-просительное выражение, что не оставалось сомнений в искренности ее просьбы.

– Чем же я вдруг могу быть вам полезна?

– А вы действительно... ну, занимаетесь всякими расследованиями?

– А я что, похожа на лгунью?

– Нет, нет! Простите, ради Бога, еще раз! Давайте вы спо-

койно меня выслушаете. Наверное, это Бог свел нас здесь так неожиданно...

Я огляделась. Вокруг по-прежнему было пустынно и безмолвно, только тополя шелестели под легким ветерком и насвистывали какие-то птички.

– Но, может быть, для делового разговора мы найдем более... э-э... удобное место, – я повела рукой.

– Да, да, конечно! – Незнакомка торопливо докуривала сигарету. – Только прошу вас еще раз подойти к этой могиле.

Мы вернулись к мраморному памятнику за солидной чугунной оградой, и я, еще раз посмотрев на лицо, глядящее на нас со скорбной фотографии, спросила:

– Судя по нашему предшествующему общению, этот человек вам хорошо знаком... был?

– Да, к сожалению. – Незнакомка опустила голову.

Я, наоборот, высоко подняла брови:

– О чем же вы сожалеете?

– О знакомстве с ним... Он причинил мне много горя и боли, – женщина кусала себе губы.

– Но ведь этот человек умер, и, если он был вам близок, простите его...

– Не могу! – Она вдруг вскинула голову и посмотрела мне в глаза сухим ненавидящим взглядом.

Я даже слегка передернулась:

– Что же он такого вам сделал, что даже после его смерти вы не можете...

– Он не умер.

– Как?! – Я не знала, что и говорить. Может быть, передо мной стояла просто сумасшедшая?

– Его нет в этой могиле. Она пустая.

Женщина по-прежнему пристально смотрела на меня, и при всем желании я не могла обнаружить в ее взгляде никакого огонька безумия.

– Откуда вы знаете, что его там нет?

– Потому что недавно я видела его живым и ходящим по этой земле... к сожалению... – Она опять уставилась в землю, по которой ходил человек, лежащий вроде бы под этой тяжелой плитой...

Я перестала что-либо соображать и приняла единственно верное решение:

– Давайте уедем отсюда куда-нибудь, сядем спокойно, и вы мне все расскажете.

– А у вас дома есть видеомэгнитофон? – задала незнакомка неожиданный вопрос и двинулась прочь от могилы.

– Есть, но при чем здесь это?

– Необходимо просмотреть одну видеокассету, и тогда вам многое станет понятно. Только... Вы живете одна?

– Да, на данный момент одна.

– Просто мы могли бы посмотреть и у меня, но дома отец... А это лучше никому не слышать и не видеть.

«Что же там такое? – подумала я про себя, страшно заинтригованная. – Какая-нибудь порнуха, или что похуже, но

что?»

...Мы приблизились к выходу с кладбища, и незнакомка направилась к стоящей среди немногих в этот день автомобилей белой «девятке».

«А ведь мы так и не познакомились как следует и плюс к этому не условились о сути и оплате моей работы», – подумала я, опускаясь на заднее сиденье.

– Кстати, меня зовут Татьяна Иванова, – представилась я, пусть и слегка запоздало.

– Интересно, что у нас почти одинаковые имена, – откликнулась молодая женщина, заводя мотор. – Меня мой ученый папочка зарегистрировал в свое время под именем Тиана.

– А что означает это имя?

– Он так до сих пор и не объяснил никому и в первую очередь мне, – откликнулась моя новая знакомая, плавно выводя машину на широкую загородную трассу.

– Возможно, вскоре мы обе отыщем ответ на этот вопрос, – сообщила я, подумав о своем излюбленном гадании, – а пока скажите откровенно: вы приняли решение нанять меня как профессионала или просто хотите «поплакаться в жилетку» новой знакомой?

Тиана на секунду оглянулась (благо трасса была пуста) и, чуть помолчав, ответила:

– Мне необходимо отыскать и наказать этого человека.

– Отыскать я постараюсь, что же касается наказания – это не входит в мои обязанности.

– Хорошо. В таком случае предоставьте его в мое распоряжение, после чего я достойно расплачусь с вами, а сегодня даже выдам аванс.

– Вы состоятельны?

– Думаю, достаточно. Кроме того, чтобы отомстить этому человеку, я в случае необходимости отдала бы последнее.

В ее голосе звучала такая твердая решимость и уверенность, что я невольно зауважала эту женщину. Такая добьется своего любой ценой. С моей помощью или без. Похоже, «ее дело правое», а мне, как всегда, не помешают гонорар и интересная работа.

– Тиана, можно на «ты»?

– Конечно, – откликнулась она, библикнув перебежавшему дорогу лохматому псу.

– Ты давно водишь машину?

– Достаточно. Несколько месяцев, – рассмеялась она. – Обстоятельства заставили научиться, кстати, связанные с этим делом. Думаешь, как я добыла видеокассету, которую мы едем смотреть?

– И как же?

– Потом расскажу подробнее, а если в двух словах – реквизировала ее из дома этого подонка, мнимого покойника.

– Так она сейчас при тебе?

– А я, как заимела и просмотрела ее, боюсь из рук выпустить, чтобы не попала кому чужому... Слишком много там обо мне всякого... Я вообще хотела сразу уничтожить ее, но

потом подумала, что нужно будет показать кассету человеку, который поможет рассчитаться с этой мразью. Чтобы знал, с кем и с чем имеет дело.

Она замолчала, а я, еще более заинтригованная, стала смотреть на мелькающие за окном пригородные домики. Похоже, никакая в этой кассете не порнуха, тогда что же?

– Кстати, Тиана, сейчас я тебе объясню, как до меня добраться.

Назвав свой адрес, я закурила и стала соображать, сколько времени у меня займут поиски человека, о котором на данный момент известно только то, что он похоронен. Тиана сказала, что случайно увидела его (потом спрошу, где и при каких обстоятельствах). А может, она элементарно обозналась, и этот... как его? – Алексеевский преспокойно пребывает в гробу?

Я вздохнула и подумала, что все равно надо делать все по порядку. Тем более что мое любопытство по поводу таинственной кассеты разгорелось не на шутку, и я просто обязана ее посмотреть.

Глава 2

Когда мы оказались в моей уютной кухне, я первым делом сделала кофе себе и чай гостю по ее просьбе.

Тиана осмотрелась, мы немного поболтали о том о сем (это всегда сближает), потом я предложила ей погадать.

Цель у меня при этом была двоякая. С одной стороны, еще больше расположить к себе клиентку, чтобы она «не зажмалась» во всех отношениях. С другой стороны – самой побольше узнать о ее сущности, поскольку то, что мне предстоит увидеть, наверняка будет окрашено в субъективные тона.

Получив согласие, я первым делом постаралась выяснить все, что возможно, о ее редком имени. Увы, кроме того, что его употребление было задокументировано в IV веке н. э. в Египте и в Россию принесено христианством из Византии, мне ничего не удалось узнать.

Из планет ближе всего Тиане оказалась Луна с числовым значением 2. Люди Луны, такие, как она, отличаются эмоциональностью и открытостью. Легко приспосабливаются к окружающим и обстоятельствам, часто художественно одарены.

Они достигают своих целей, огибая препятствия и интуитивно пользуясь благоприятными возможностями. У них случаются перепады настроения, неосознанно они ищут более сильного человека, который бы их надежно поддержи-

вал. Очень домовиты, настроены на семейную жизнь, верны, чувствительны...

– Вот видишь, Тиана, как много я о тебе узнала! – шутливо воскликнула я. – Есть еще один, самый главный принцип гадания, но это потом, после твоей таинственной кассеты.

– Таинственного там ничего нет, Таня. Это попытка человека сделать подобие художественного фильма о самом себе. Сюжет фильма – то, что он переживал и вытворял в реальности. В видеоряде часть кадров документальна. То, что ему удалось снять... Многое он подменяет дикторским текстом на фоне разных фотоснимков, документов, заимствованных кадров.

Знаешь, – Тиана задумчиво затянулась сигаретой, – он в некотором роде маньяк. Для кого и для чего это было снято? Я поняла, что это своего рода видеодневник. Если бы он кому-нибудь его показал... Да его вообще посадить надо!

Тиана почти сорвалась на крик.

– Успокойся, пойдем, я включу видик, и внимательно все посмотрим. Думаю, это поможет мне в поисках твоего «покойничка».

Мы прошли в гостиную. Я пристроилась в своем любимом кресле и нажала кнопки пультов.

Тиана села на диван в какой-то напряженной позе, и мне стало окончательно понятно, что уж она-то ничего хорошего от предстоящего сеанса не испытает.

Замерцал экран.

– Вдовы великой любви, – произнес приятный мужской голос, и я поняла, что это название предстоящего «шедевра». Далее текст гласил:

«Я считаю себя негодяем. Это холодная, трезвая самооценка, которая, что самое главное, не мешает мне, как и любому двуногому индивидууму, себя любить.

Поэтому, принимая собственное негодяйство как естественную и неотъемлемую часть личности и тела под названием Дмитрий Алексеевский, я использую это негодяйство – ну используют же руки, голову, член, наконец! – для извлечения радости бытия и житейской выгоды.

Так получилось, что в жизни я оказался везунчиком.

Наблюдая, как толпы моих несчастных земляков изо дня в день мечутся в поисках денег, жилья, элементарной жратвы, я лишний раз добрым словом поминаю своего папашу – старого партийного хрыча.

Он вовремя отправился на свидание с дьяволом (до Бога его, похоже, не допустили), после известных событий лета 1991 года, когда его райком в прямом смысле слова загадили (что они только ели перед этим?) восторженные ельцинисты. Чуя, чем начинает пахнуть, мой предок еще за год до кончины обратил все сберкнижки в нал, а нал через хорошие связи – в кучу приличных брюликов. И вот я, когда ситуация стала поспокойнее, через тех же папиных теневых корешей отдал бриллианты за большущую кучу долларов.

Теперь, если иметь в виду классное бунгало за городом и

четырёхкомнатную квартиру на двоих с мамой в центре, то, не считая таких вполне естественных мелочей, как „Вольво“, в общем и целом я не нуждался. По крайней мере, если не крутить рулетку, не колоться и пить умеренно, до старости мне должно хватить на сносную жизнь.

А вот на девочек...

Тут разговор особый, потому что за время армейских мучений у меня выработалась своя философия, своя жизненная концепция, которую я стал осуществлять на практике, но об этом позже. Сейчас, чтобы было понятно отношение Дмитрия Алексеевского к женщинам, я расскажу старую как мир историю про любовь, разлуку и измену. И как я загремел „под ружье“.

В общем, когда папаша поднапрягся и после школы пропихнул меня в университет, шел самый что ни на есть 1982 год. Я был длинный семнадцатилетний отпрыск капээсэсного семейства с реальной перспективой на комсомольскую или дипломатическую карьеру. Но тут наконец дал дуба „дорогой Леонид Ильич“, и по нашему молодому местному бо-монду пополз гнилой такой душок, как его называл папа со товарищи, – „мелкобуржуазный“. Ну в том смысле, что все иллюзии насчет „светлого будущего“ быстренько выветрились из наших голов, и мы активно принялись строить свой отдельный земной рай сейчас и здесь. Чем дальше, тем больше либеральные времена показывали: нам, будущим реальным хозяевам жизни, все позволено.

Любой западный „разврат“, за который обычных бедолаг по тогдашнему УК (скажем, находили какой-нибудь заставляющий „Плейбой“) отправляли топтать зону, для нас был уже скучен. Настоящий разврат местного советского розлива крутился на наших квартирах и дачах – вернее, на родительских. Компания у меня подобралась самая та, что надо, – сынки и дочки папиных подельничков по „руководящей и направляющей“ и, как говорил тогдашний кумир публики Райкин, „уважаемых людей – завмаг, товаровед...“.

В общем, пили, трахались, балдели, как и сколько могли, – настоящая студенческая жизнь, при которой учеба маячила где-то вдали в виде очкастого профессора с твоей зачеткой в руке во время сессии – зачеткой, куда (тебе это ясно, как Божий день) обязательно будет вписано любое словечко, кроме „неуд“.

А ее, свою первую любовь (и, как выяснилось, последнюю), я встретил в совершенно неподобающем для себя месте – в институтской библиотеке. Как-то с утра, будучи в обыкновенном дико-похмельном состоянии, я не придумал ничего лучшего, как пойти почитать, кажется, о Талейране – некое редкое издание.

Целью моей было отнюдь не знакомство с дипломатическими изысками этого хитрого французского лиса – просто я решил таким образом оградить себя хотя бы до обеда от первой опохмеляющей рюмки.

Ольга доставляла из хранилища заказанные студентами

книги – это была ее работа, приносящая ей, заочнице, какой-то доход „на хлебушек“. Иногородней, конечно, прожить одной – чуть ли не подвиг. Я обалдел, когда задержал свой нечеткий взгляд сначала на ее мордашке с милыми наивными веснушками и глубокими темными глазами, потом прошелся вниз до туфельек...

Она улыбнулась и пододвинула мне Талейрана. Я, конечно, тут же выкинул из головы мысли о чтении. Но сел так, чтобы можно было наблюдать за этим „необыкновенным созданием“ – как я ее тут же окрестил.

Через час, за время которого Ольга (имя ее я услышал от пожилой библиотечарши, зашедшей в зал за чем-то) то уходила в хранилище книг, то возвращалась, я был готов, сражен, покорен и уничтожен. И принял единственно правильное в тот момент решение – расслабиться, пойти выпить пива в буфете – и на штурм.

Чтобы сразу поразить ее чем-то, я разработал нехитрый план, в результате которого, когда она в шесть вечера вышла из дверей библиотеки, я подошел к ней и проникновенно произнес: „Ольга, вот редкая и ценная книга, которую стоящий перед вами недотепа случайно унес из зала, о чем и скорбит“.

Ужас нарисовался на ее милой мордашке, она молча схватила проклятого Талейрана и понеслась с ним обратно, чтобы успеть сдать до закрытия хранилища, иначе уволят, засудят, опозорят...

Бог весть, что мелькало у нее в голове и что она тогда обо мне думала.

Во всяком случае, вторично показавшись из дверей через десять минут, она спокойно спросила:

– Зачем вы это сделали?

– Это мой первый дурацкий подвиг в вашу честь!

– Надо полагать, что следующие подвиги будут такими же дурацкими?

– Нет, леди, все остальные грозятся быть настоящими.

...Нашей любви все удивлялись, и многие буквально лопались от зависти. Моя разудалая компания надолго расстроилась – надо же, самый щедрый и бесшабашный пьяница и трахторист чуть не в одну минуту стал пылким и нежным Ромео. Анекдот! Однако время шло и показывало, что у нас все всерьез и надолго. Тогда мои тусовщики решили приобщить Ольгу к нашим разнообразным развлечениям. И, как я ни сопротивлялся, будто предчувствуя недоброе, им удалось как-то затащить нас на грандиозную дачную пьянку по случаю то ли „дня танкиста“, то ли „дня почтальона“.

Помню, как я злился, глядя на развеселых дружков Сережу и Вову, которые наперебой угощали Ольгу всякими изысканными напитками, и она, отродясь не вкушавшая ничего подобного, с удовольствием мешала сухое вино, ликеры, шампанское... Под занавес застолья Сережка Шпакин уговорил ее выпить „шикарного двадцатилетней выдержки коньяка“. Что и явилось последней каплей.

Еще раз посмотрев на глупо хихикающую и неумело флиртующую свою возлюбленную, я хватанул стакан и, громко хрустя огурцом, демонстративно вышел из комнаты. Меня не было с полчаса – дошел до речки, искупался, покурил... Когда пришел обратно – в двухэтажной даче было тихо. Похоже, вся компания расползлась по комнатам и углам, кто спать, а кто „покувыркаться“...

...Ольгу я нашел в одной из комнат второго этажа. На ней, совершенно голой, как-то странно, чуть ли не поперек, лежал Сережка в одной футболке. Мертвецки пьяный сон... Я тоже, как во сне, подошел к столу, где папаня Вовки (хозяин дачи) держал бронзовую статуэтку вождя мирового пролетариата, и вот этой увесистой хреновиной изо всей силы долбанул Сережку по голове.

Потом были крики, „Скорая“, милиция – в общем, по полной программе. Шпакина еле спасли и лечили его проломленный череп месяца два в больнице.

Дело о покушении на убийство стараниями высокопоставленных родителей гулявших на даче отпрысков было замято. Но из университета пришлось уйти, и – более того, чтобы в случае чего не особо доставали, меня быстренько подвели под осенний призыв.

Так я, практически не вынырнув из того страшного сна на даче, нежданно-негаданно отправился „выполнять гражданский долг“.

Правда, и здесь мне попался не обычный стройбат, а одно

из элитных спецподразделений – их много тогда было: „Альфа“, „Бета“, „Омега“...

Ольга, протрезвев, чуть не рехнулась с горя, осознав, что натворила. Валялась у меня в ногах, рыдала и умоляла простить ее. Что я и сделал, хотя, честно говоря, у меня, как в той сказке Андерсена у мальчугана Кая, сердце стало покрываться льдом. Жизнь дала первую ощутимую, хотя и не смертельную трещину.

Я тогда подумал, что в армии все забуду, отойду и действительно прощу. Потребовал у Ольги клятвы верности, и она обещала ждать моего возвращения.

Но, сколько раз я потом убеждался, уж если трещинка появилась – обязательно жди полного разлома. Все получилось как в песенке Владимира Семеныча: „Разлука быстро пронеслась – она меня не дождалась“. И самое интересное, что ее мужем стал тот же сучок Сережка Шпакин, сынок зав. овощной базой. Она, как мне рассказывали, навещала его в больнице (сострадательная моя!), потом ее видели с ним возле его дома – ну тут все ясно.

Я в это время проходил, как тогда говорили, „школу мужества“ – начались все эти южные конфликты – Карабах, Сумгаит, Тбилиси, Баку... Сколько ребят, моих земляков, погибло рядом со мной из-за этих черножопых! Мне еще повезло: только пальцы на правой руке чуть прихватило шальным осколком...

Короче, на мою службу хватило. И вот в Баку, после ноч-

ного боя, как это бывает в кино, приезжает кто-то из Тарасова, привозит почту. Письмо от нее: „Прости, пойми... любовь и дружба... не забуду“. Я тогда весь автоматный рожок со злости в небо выпустил, и меня за эту очередь – всех опять переполошил – чуть под суд не отдали. Обошлось.

Но вот тут я почти физически почувствовал у себя кусок льда в груди слева. И холодную ярость и четкость мысли. Я знал, что не первый и не последний попадаю в такую ситуацию. Что это как бы и нормально и происходит чуть ли не со всеми.

Но я не хотел быть и терпеть, „как все“...

Во время туманного юношества я много читал, проглатывал подряд все книги из подписных дефицитных изданий домашней библиотеки. Эти пушкинские, лермонтовские, тургеневские и прочие девицы и девушки. Боже, как я стал теперь ненавидеть всю эту слащавость! Это лицемерие невинности! „Ох дурят они нашего брата“, – часто вздыхали, шутейно примиряясь с неизбежным, мужики-простецы. „Нет, – говорил я, – не просто дурят, они убивают, ломают судьбы и жизни, ложь – это их естество и т. д. и т. п.“.

Я в ярости кричал, пытаюсь доказать изначальную подлость женской натуры, – надо мной посмеивались, успокаивали – ну что ж, мол, раз бабы такие суки, переходи, Диман, на коз или мальчиков.

– Нет, – сказал я себе, – я буду их иметь, трахать, топтать, всех, кого захочу, когда, как и сколько захочу. Я буду всем –

им, себе, окружающим – доказывать, что внешне самая любящая, чистая и бескорыстная из них – суть лживая, порочная, жадная и подлая тварь. Надо только создать подходящую жизненную ситуацию, и правда выплывет.

Так постепенно сформировалось мое кредо, ставшее смыслом оставшейся жизни.

Я решил доказать всю низость женского предательства через „оправдание Дон Жуана“. Это как бы изменение и дополнение к пушкинской пьеске, когда Командор-мститель не приходит... А с донной Анной я буду вытворять все, что захочу.

Все эти „вдовы великой любви“ (как я их назвал для себя) и гроша ломаного не стоят, если правильно выстроить атаку и создать цепь благоприятствующих обстоятельств.

Сначала теоретически (а потом и на практике) я нашел для себя огромное удовольствие в близости с „женщиной в трауре“. Но в один прекрасный момент в своих рассуждениях я дошел до логичной мысли: чтобы создать ситуацию типа Дон-Жуан против Командора, мне придется кого-то убить...

Никакая мораль меня не останавливала – в армии, в этих „горячих точках“, мне приходилось убивать. Соображения безопасности (чтобы я и дальше мог осуществлять на практике свою теорию) привели меня к тому, что я должен не просто убить Командора, а организовать ему „несчастный случай“. Стать для жертвы чем-то вроде Судьбы, кирпича, летящего с крыши. Обстоятельства жизни складывались

удачно – денег хватало, дом, дача, которые мамаша содержала в образцовом порядке. Оставалось найти объект для применения теории. И это вскоре случилось. Тут и начинается основная часть моего фильма...»

Глава 3

– Татьяна, выключи, пожалуйста!

Я очнулась от летящих с экрана слов и хаотичности кадров и посмотрела на Тиану. Она сидела бледная с очередной зажженной сигаретой.

– Слушай, – сказала я, помотав головой, словно отгоняя дурной сон, – это напоминает что-то из всяких там теорий сверхчеловеков и вроде этого. Ты хочешь сказать, что он на самом деле дошел и до практики? До убийства?

Тиана как-то странно смотрела на меня:

– А разве ты сомневаешься? Этот безумный «сам себе режиссер» все сделал по плану, подробно обо всем рассказал, а кое-что ему даже удалось снять на видеокамеру.

– И, как я понимаю, речь там будет идти о тебе?

– Да. Только он слегка изменил имена и фамилии. Меня, например, назвал Татьяной.

– Оригинально! – усмехнулась я. – А что еще там наворочал этот видеогений?

– Сама увидишь и услышишь. У тебя нет чего-нибудь выпить?

Я достала из холодильника бутылку ликера, разлила по рюмкам и принесла на подносе в комнату. Потом снова нажала на кнопку пульта.

Приятный мужской голос продолжил свою видеоповесть:

Итак, я буду выстраивать события хронологически. Начнем с 12 июля.

Сегодня сразу в нескольких местных газетах сообщалось о нелепой, трагической гибели местной знаменитости, мастера спорта по плаванию, серебряного призера недавней Олимпиады Алексея Зубова. Тело было найдено на речной отмели неподалеку от дачи спортсмена. По предварительному медицинскому заключению, смерть наступила в результате удара головой об острый подводный камень.

Говорилось и о том, что будет возбуждено следствие, поскольку, по уверениям невесты Зубова Татьяны Осиповой, в месте, где нырял спортсмен, никогда никаких камней не водилось, иначе Алексей не стал бы так спокойно прыгать с откоса вниз головой.

...Что ж, пожалуй, только я один могу восстановить реальную картину случившегося, но это не в моих интересах.

16 июля. Итак, Татьяна... Видели бы вы, как рыдала эта красавица, рафинированная профессорская дочка, на кладбище, как оттаскивали ее в последний момент от гроба – она чуть ли не собиралась прыгнуть в могилу. А я, затерявшись в большой толпе «проводящих в последний путь», мрачно ковырял носком ботинка влажную кладбищенскую землю и думал: «Что ж ты, милая, так убиваешься – ненадолго ведь тебя хватит». И даже точный срок тогда для себя установил – ровно 40 дней. Надо же хоть какие-то приличия

соблюсти (ха-ха!).

12 августа. Весь прошедший месяц я наблюдал за ней и теперь знаю наизусть все ее привычки и манеры. Походка, наклон головы, когда она думает, голос с пикантной хрипотцой, даже содержание ее небедного гардероба – это уже стало моим. Разумеется, не в прямом смысле.

Обычно я поджидал ее около восьми утра, сидя в машине неподалеку от подъезда дома. Татьяна жила в большой трехкомнатной квартире с отцом – профессором физики, преподавателем университета. Сама она тоже имела отношение к университету, поскольку два года назад поступила туда на факультет журналистики (в том же году ее мать умерла от рака), и отец по утрам, отправляясь на работу, подвозил Татьяну на своей голубенькой «шестерке».

Неделю после похорон я ждал у подъезда напрасно. Похоже, всерьез убитая горем, девушка вообще не выходила из дома. Вышла она только на девятый день, бледная, с серыми кругами под глазами, поймала такси и поехала навестить родителей ее бывшего жениха. Через полчаса она с еще более несчастным видом показалась из их подъезда и медленно пошла... Я знал, куда она пойдет, поэтому запер машину и отправился следом.

Недалеко, на Беговой, есть такой маленький уютный кабачок-ресторанчик. Именно там в начале лета я совершенно случайно увидел эту пару, и меня словно током ударило – вот те, кого я стремился найти для осуществления моего

замысла...

Они вошли тогда в зал и первым делом поглядели не на пару десятков столиков с редкими посетителями, а друг на друга, обменявшись какими-то удивительными улыбками. Он – высокий, статный, с вьющимися волосами и хорошо поставленным голосом, она – в строгом вечернем костюме, при минимуме косметики, с лицом ангела и фигурой модели – выглядела его полным и естественным дополнением.

Вот такие – юные, красивые и явно счастливые в своей любви – мне и нужны, я закурил и откинулся на своем стуле, потягивая легкий коктейль и краем глаза наблюдая за «сладкой парочкой». Не являясь каким-то опереточным злодеем, только излишне увлеченный своей теорией, я решил доказать ей и себе (ее парню уже ничего не понадобится), что вдовство ее великой (и явно неподдельной) любви продлится чуть больше месяца.

А потом, простите за пошлый натурализм, когда по ныне обожаемому телу ее жениха будут ползать могильные черви, она своими яркими и чувственными губами будет ползать уже по моему телу.

...Через час я вслед за ними вышел на улицу, проследил, куда он проводит свою даму и куда пойдет сам, – мне хватило потом недели, чтобы узнать о них почти все. При наличии денег и свободного времени быть «частным детективом» – левое дело.

(На этом месте я скептически хмыкнула!)

Итак, Татьяна шла именно в то, дорогое ее памяти, место, где я потом еще несколько раз заставлял их голова к голове, но, окинув взглядом зал, тут же уходил, чтобы им не запомнилось мое лицо. Впрочем, они были настолько увлечены друг другом, что окружающий мир, и я в нем, для них существовал постольку поскольку.

Она села за их столик, заказала рюмку водки, сок и бутерброд с сыром. Я устроился неподалеку, но спиной к ней, и, только изредка оглядываясь, видел ее профиль. Горе ее было настолько явным и неподдельным, что у меня даже какой-то мороз по коже пробежал и я сделал изрядный глоток «Абсолюта», чтобы как-то расслабиться.

Татьяна вскоре встала и быстро направилась к выходу. Восхищенно наблюдая за движениями бедер под ее не по случаю короткой черной юбкой, я все же заметил, что девушка забыла сумочку. Черт меня дернул вскочить, опрокидывая стул, и броситься на улицу за нею вдогонку.

– Вы забыли свою сумочку...

– Ах... да? – Она словно сквозь стекло посмотрела на меня, машинально протянула руку, взяла этот абсолютно ничемный сейчас для нее предмет...

– Спасибо. – Девушка повернулась и подошла к кромке тротуара, чтобы поймать какую-нибудь машину.

– Давайте я вас подвезу, – подскочил я, ругая себя при этом за торопливость и оплошность. Но она отказалась, даже не поворачивая головы в мою сторону. Я пребольно дернул

себя за ухо – остынь, мол, парень, еще не время, до назначенного срока еще месяц.

С тех пор прошло двадцать дней, осталось десять.

22 августа, утро. Сегодня – решающий штурм. Слово, конечно, дурацкое. На самом деле это будет медленный плавный подкат, ласковое прикосновение бархатной лапы тигра перед тем, как когти... Ну да Бог с ними, с метафорами. Пора готовиться к делу. Сегодня она явно повторит тот же маршрут, что и на девятый день.

Поздний вечер. Я изрядно накачался, правда уже дома и за последние полчаса. Есть от чего. Но все равно надо хоть как-то осмыслить то, что можно смело называть началом... Чего? А хрен его знает, наверное, конца. Каламбурист проклятый! В общем, как знаток «науки страсти нежной» (и книжек в свое время начитался, и с девками накувыркался), я учел ряд необходимых для успеха моментов.

Первое и главное – внешний вид. Накануне я был у какого-то супермодного визажиста. По моей просьбе он умудрился из моих черных волос сотворить седые – для пущего благородства облика (молод, а уже седина – серьезный, много переживший человек!). Поколдовал над лицом – в итоге каким-то необъяснимым образом я чудо как похорошел (при изрядном облегчении карманов!).

Потом я заглянул к одному знакомому специалисту по косметике-парфюмерии и проконсультировался у него насчет афродизиаков. То бишь чтобы от меня шел не сильный,

но такой возбуждающий самку аромат, что, пардон, она бы «потекла». Этот спец за большие бабки извлек из своих запасов какой-то темный французский флакон и посоветовал перед свиданием помазать за ушами и немного шею. Было сделано.

Я надел свой лучший, идеально подогнанный по фигуре (надо заметить, весьма атлетической) темный костюм «с искринкой», классные американские туфли. На палец левой руки натянул тоненькое золотое колечко – с умыслом, естественно. В целом прикид был, если объективно, сногшибательным.

Второе – у меня был повод подойти к ней, я сам создал его по наитию в прошлый раз!

И третье – я до мелочей продумал всю тактику поведения, разговора, любые повороты и неожиданности. Удивить, в чем-то ошеломить, заинтересовать, но не спугнуть ни малейшим намеком на вольность «в такой день».

...О, донна Анна!.. Я тихо приближался к столику, где Татьяна сидела в задумчивости, как и месяц назад, с полной рюмкой водки и ломтиками лимона на блюде. Немногочисленные посетители с любопытством поглядывали на это воплощение скорби и одиночества.

– Простите меня, – мой голос был на удивление нежен, мягок и чуточку взволнован. Она вздрогнула и, выйдя из задумчивости, подняла на меня глаза. – Понимаю, что вам сейчас явно не до разговоров с совершенно посторонним чело-

веком, но мне показалось, что вы нуждаетесь в участии... – Я смотрел на нее прямо и твердо, в эти... «ах, эти черные глаза!».

– Почему вы так решили? – она слегка расширила ноздри (афродизиаки!).

– Я встречаю вас здесь во второй раз, а впервые – месяц назад. Вы так же сидели в одиночестве, а потом выбежали и забыли сумочку...

– Да... помню... кажется, вы мне ее тогда отдали. – Она, повинаясь женскому инстинкту рассмотреть любой новый предмет (в данном случае одушевленный), опустила глаза вниз по моему костюму до ботинок и, когда снова взглянула мне в лицо, по каким-то едва уловимым изменениям ее глаз я понял – осталась удовлетворенной. Первое очко я выиграл, ибо она увидела не банального ресторанного пристава, но настоящего мужчину. – Вы что, преследуете меня? – продолжала она. – Я не верю в совпадения такого рода.

– Упаси Боже, просто вы тогда выглядели так... необычно, что я вас запомнил, несколько раз заглядывал сюда – я тоже люблю это заведение! – и вот опять вас увидел... Позвольте мне присесть?

Она как-то машинально кивнула и открыла было рот, чтобы задать вопрос типа: «Что вам от меня нужно?» – или сказать, что ей хочется побыть одной, но я опередил ее, нельзя было оставлять Татьяне ни секунды на раздумье.

– Вижу, у вас какое-то большое горе, при вашей красоте

и молодости быть одной...

– Сорок дней назад погиб мой жених, – просто сказала она и отвернулась.

– Простите. – Я помолчал и слегка подвинул вазочку с засохшими цветами к краю стола. – Он был в Чечне?

– Нет, все получилось так ужасно... глупо... Он спортсмен... был... нырнул с крутого берега, а там оказались камни...

– Подождите, подождите... извините, как вас зовут?

– Татьяна.

– А я Дмитрий, – решил не менять имя, чтобы потом не путаться. – Его случайно звали не Алексей? Я тогда с ужасом прочитал в газете, что Лешка погиб.

– Лешка? Вы его знали?

– Конечно, я учился на одном курсе с Зубовым... Да я и на похоронах был... Вы, естественно, тогда меня не видели. Как здорово... ой, простите, все-таки это хорошо, что мы встретились. – Я замолчал (много болтаю) и выжидательно посмотрел на Татьяну.

– Да, – она задумчиво кусала кусочек лимона, – я ведь знаю практически всех его друзей, а вы...

– Я, собственно, не был с ним в особенно близких отношениях... Мы вместе начинали, когда он на втором курсе увлекся плаванием. Потом я бросил это, меня все больше увлекали экономические проблемы, а он вообще перевелся в институт физкультуры. Мы с ним уже лет шесть не виде-

лись. И вот на тебе... Татьяна, а вы тогда были с ним? – Я махнул рукой официанту, когда он подошел, заказал водки и два апельсиновых сока.

– Нет, я еще спала на даче... Это случилось рано утром, он имел привычку вставать в шесть утра и бежал нырять с этого берега. Но откуда там взялись камни? Вода еще темная, только-только рассвет – он и не разглядел, когда вниз головой. – Она прикрыла ладошкой рот и смотрела на меня широко раскрытыми вопрошающими глазами.

Я махнул водку, глотнул сок...

– Наверное, было следствие?

– Да, меня тогда расспрашивали и пару раз вызывали... А что я могла им сказать? Все в округе знали, что нырять там можно, дно песчаное без валунов... Подводные камни были только метрах в пятидесяти от того места. Кому понадобилось их перетаскивать?..

– И что, не нашли никаких следов?

– Ну, ведь если кто-то их и перекатывал под водой – какие же там останутся следы? – Татьяна махнула рукой и добавила: – Тем более никто из соседей по дачам ни вечером, ни ночью и утром не заметил никого чужого и подозрительного. В общем тишь да гладь. А человек разбился. Дело прикрыли, мол, несчастный случай.

– Да, чего уж ждать от наших доблестных ментов, – вздохнул я и, помолчав, тихо продолжил: – У меня тоже пять лет назад... невеста...

– О Боже, что? – Татьяна подняла глаза и посмотрела на меня с неподдельной тревогой.

– Авиакатастрофа. Летела из Мурманска от родителей... Через неделю собирались в загс. – Я как бы автоматически повертел колечко на левой руке.

– Как я вас понимаю. – Она вздохнула и, наконец подняв, медленно выпила свою рюмку, закашлялась, промокнула рот салфеткой. – И что же вы все пять лет... больше ничего не было?

В зале зазвучала веселая музыка, публики явно прибавилось. Я покачал головой:

– Серьезного ничего. Так, случайные подружки, надо же как-то жить...

– Вы правы, и мне вот тоже пора приходить в чувство.

Пора, милая, это точно. Для этого я здесь и сижу.

– А вы, Татьяна, где-то учитесь?

– На журфаке в университете. Живу одна, с отцом... Он тоже тяжело переживает смерть Алексея, так ждал нашей свадьбы, внуков... Мама умерла два года назад...

– Такая штука – жизнь, – философским тоном заметил я и продолжил: – Все там будем! (И тут же сам устыдился этой вопиющей банальности.)

Но Татьяна уже смотрела на меня совсем не отчужденно, с какой-то теплотой. Решила, дуреха, что нас с ней многое объединяет. Это хорошо, так и надо.

– А вы, Дмитрий, что-то говорили об увлечении экономи-

кой?

– Да, я получил специальность экономиста... Потом – курсы менеджмента. В общем, пошел в широкий бизнес. Вас это не пугает?

– Что же тут плохого? – удивилась она. – Я неплохо разбираюсь в людях, – профессия обязывает, – и вы мне кажется вполне порядочным человеком.

– Спасибо. А то многие видят в таких, как я, только «новых русских», этакое тупое мурло из анекдотов.

Она улыбнулась. Дальнейший наш разговор (пили кофе и ликер) был достаточно легкой болтовней о том о сем. Татьяна, казалось, забыла о времени, месте и поводе, по которому пришла сюда. Однако взглянув случайно на часы, ойкнула и заторопилась расплачиваться.

– Позвольте мне, – сказал я твердо и учтиво, – я так привык.

– О, значит, вы часто подсаживаетесь к незнакомым девушкам?

– Ну зачем вы так? – Я укоризненно покачал пальцем. – Тем более мы теперь не совсем чужие и незнакомые, правда?

– Да... – Она как бы с удивлением осознала, что за какой-то час-полтора достаточно сблизилась с этим неотразимым (как я о себе думал) мужчиной, который к тому же когда-то был приятелем ее Лешки...

Я сунул подошедшему официанту 50 баксов (краем глаза заметив, как Татьяна открыла рот) и, не дав своей новой зна-

комой ничего больше говорить и делать, мягко взял ее под локоть, и мы вышли на улицу. Накрапывал легкий дождь, но моя машина была неподалеку, и я спросил Татьяну, куда ее отвезти. Она секунду подумала (видимо, стоит ли продолжать знакомство и открывать место своего проживания) и сказала: «К вокзалу».

– Вы что, живете в пригороде, вам на поезд?

– Да нет, просто мой дом рядом.

Через пятнадцать минут мы были на месте. Всю дорогу она молчала, только, когда села в салон «Вольво», вздохнула: «Алексей так и не успел купить машину... Хотел „Мерседес“, у него после Олимпиады было много денег». Я промолчал. А когда она сказала: «Спасибо вам за участие, вы очень славный, до свидания» – и хотела выйти из машины, я нежно, но достаточно настойчиво взял ее за руку.

– Татьяна, не подумайте ничего такого, но мне хотелось бы еще увидеться и поговорить с вами. Мы оба одиноки – почему бы и нет?

Она достала из сумочки ручку и...(я слегка обалдел) на моей ладони написала номер своего телефона. Расширила ноздри, как-то странно глянула на меня и выпорхнула в околотовокзальную темень.

Вот такой вот был вечерок. И немудрено, что, приехав домой, я на радостях «тяпнул» еще. Все, пора баиньки.

25 августа. Надо было выдержать три дня. Ни больше и ни меньше. Я не сомневался, что Татьяна заинтересовалась

мною. Как минимум. Она сейчас на распутье. С одной стороны, еще достаточно свежи воспоминания, да и некий внутренний этикет обязывает так скоро не заводить новых знакомств с мужчиной, а тем более романов.

С другой стороны, ее женское естество, эта подлая бабская природа, где-то в глубине сознания наверняка шепчет: «Что ж ты, молодая и красивая, так и будешь всю жизнь убиваться? Да и Димка этот взволновал тебя, признайся!»

Плод созревал, и от меня требовалось без спешки и суеты вежливо открыть рот и ждать, пока он туда... Ам!

И вот я набрал номер телефона и, внутренне уповая на то, что подойдет не ее папаша, стал ждать. Раз-два-три-четыре... На пятом гудке трубку подняли, и ее (слава Богу!) голос тихо произнес: «Да».

– Татьяна, извините за беспокойство, это Дмитрий.

– Здравствуйте. – После сухого «да» ее тон потеплел. – Вам так быстро захотелось со мной поговорить?

– Более того, я набрался смелости пригласить вас немного развеяться. Театр и «Лебединое озеро» вас не смутят?

– Я даже не знаю... у меня, сами понимаете, какое настроение... Хотя «Лебединое» это не развеселая дискотека и не американский боевик.

– Вы правы. Балет начнется через два часа. В половине шестого я могу ждать вас там, в скверике у фонтана?

– Откуда вы знаете, что сегодня я свободна? Меня пугает ваша решительность...

– Я чувствую, что вам пора выходить в люди. Ну, так согласны?

– Хорошо, я приду.

(Поздно вечером.) Только что вернулся со второго нашего свидания. Процесс налицо.

Она пришла вовремя, все в том же строгом черном костюме, правда, на ее прелестной шейке была нитка нарядных янтарных бус.

– Здравствуйте, Дмитрий, еще раз.

– Татьяна, извините за вопрос, сколько вам лет?

– Двадцать... А в чем дело?

– А мне тридцать один, и как старший по возрасту приказываю тебе перейти на «ты».

– Вы... ты и вправду решительный.

– Господи, ну мы уже соблюдали с тобой все условности и формальности, можно теперь общаться просто как друзья?

– Похоже, действительно, снявши голову, по волосам не плачут. Раз уж я решилась продолжать наше неожиданное знакомство... А что вы... ты держишь руки за спиной?

Тут я преподнес ей изумительно красивую белую на длинном стебле розу. К ее черному наряду это очень шло. Она потрянула своими чуть рыжеватыми локонами и заметила:

– Друзья вообще-то просто так цветы не дарят...

– А я не «просто так»... Обожаю гармонию. Представь: полумрак ложи, твой черный костюм и белая роза...

Она зажмурилась на секунду. Улыбнулась.

– Нам, наверное, уже пора.

Балет она смотрела, не отрываясь взглядом от сцены. А когда звучали самые мощные и трагические аккорды Чайковского, я видел, как поблескивали слезы на ее ресницах. Да и сам, надо признаться, расчувствовался. Я даже испугался: не приведи Господь мне по-настоящему втрескаться в эту самку! Да, да, все они самки, готовые при определенных обстоятельствах плюнуть на тебя и прыгнуть на шею и в кровать другого! То, что Татьяна не исключение, я пока что успешно доказываю. Правда, похоже, до постели еще далеко. На редкость благовоспитанная профессорская дочка.

Потом мы побродили по центру вечернего города и зашли в бар выпить по коктейлю.

Она рассказывала о своем детстве, о факультетских делах и сплетнях. Я был внимательным и благодарным слушателем. На этот раз Татьяна позволила проводить ее до подъезда и, на прощанье сжав мою руку, сказала: «Огромное тебе спасибо, я чувствую, как ты помогаешь мне возвратиться к жизни...» Резко повернулась и побежала в подъезд.

Дело, как я уже отметил, движется в правильном направлении.

2 сентября. Пока осень еще не вступила в права, моя задача – заманить Татьяну к себе на дачу, а там... посмотрим. За прошедшие дни мы встретились еще пару раз – посетили какую-то офигенно громкую выставку модернистов, а на выходные мне даже удалось вытащить ее за город. Идилли-

ческая природа, чуть тронутая увяданием, была весьма созвучна ее настроению, и я даже пробормотал ей несколько специально заученных стихотворений о любви (Блок, Есенин), чем приятно удивил, и вдобавок намекнул, что дружба дружбой, но... В этот раз при расставании я удостоился даже быстрого поцелуя в щеку. Шагов Командора при этом не обнаружилось... «О, донна Анна!»

Если б у меня в жизни не было этой сучки Ольги, а у Татьяны этого Лехи и мы встретились раньше... Впрочем, тогда она еще терлась попкой о школьную скамью, да и вообще нечего мне распускать сопли, если б да кабы...

10 сентября. Чудесная погода и великолепный результат... только ли от погоды? Моя тактика, мое терпение принесли наконец ожидаемые плоды. Только что я вернулся со своей дачи и отвез домой Татьяну – счастливую, смущенную и... теперь полностью мою! Честно говоря, даже моя продуманная теория отводила на «ломку» побольше времени. Тут, конечно, важна была обстановка, шампанское и эта самая жидкость из флакончика – ее ноздри трепетали чаще обычного.

...К тому времени, когда Татьяна дала согласие поехать на дачу, наши отношения дошли именно до того рубежа, за которым проглядывали два пути: или в вялотекущем темпе продолжается «дружба», которая постепенно утомляет обе стороны и они находят себе пылких сексуальных партнеров. Или «стороны» резко становятся этими самыми партнерами

и их любовь-страсть несется резво, как лошадка по равнине. Именно второй вариант был позарез нужен мне для оправдания перед самим собой всего, что уже было завершено.

Надо особо отметить, что я стараюсь сохранять максимальное инкогнито для Татьянинного отца, ее подруг и знакомых... И, со своей стороны, не знакоблю ее ни с кем, чтобы потом у нее не осталось ниточек ко мне. Она, кстати, согласилась с особым статусом наших отношений при первом же разговоре на эту тему – в ее положении «засвечивать» так быстро возникшие отношения было неразумно.

Потому, когда в пятницу я позвонил ей и предложил провести выходные у меня в бунгало, она на несколько секунд задумалась, посапывая в трубку телефона (решала уже созревший для нее вопрос о «втором пути» – знала, что там придется ночевать), и потом тоном заговорщика произнесла: «Я скажу папе, что поеду к подружке Светке и вернусь в понедельник». – «Целую, милая», – радостно сказал я.

...В условленный час она стояла с большой спортивной сумкой у входа в вокзал. Волосы собраны назад в пучок и перевязаны синей лентой, легкие фланелевые брючки, открытая футболка – в общем, глядя на нее, нельзя было сказать, что эта очаровательная стройная девушка, явно ждущая возлюбленного, именно его-то и потеряла всего два месяца назад. «Эх, как бы я на месте этого Леши (тьфу, дьявол!) сейчас ворочался в гробу», – усмехнулся ваш покорный слуга, но тут же отогнал невеселые мысли. Надо было выйти из маши-

ны и помочь Татьяне поставить в багажник тяжелую сумку.

– Я тут продуктов набрала, чтобы сытнее было отдыхать.

– Не стоило беспокоиться, Танечка, у меня там холодильник забит едой... Придется звать на славный пир гостей-соседей.

– Знаешь, я бы предпочла быть одной... то есть вдвоем... У меня ведь тоже есть теперь дача... от него осталась... Леша приготовил ее как свадебный подарок – купил и оформил на меня. Но я не могу бывать там, где все это случилось. – Она замолчала и стала смотреть в боковое окошко.

Я закурил, остановился перед светофором, искоса посмотрел на нее и сказал:

– Милая девушка, мы же решили раз и навсегда не поднимать больше тему прошлого. Эта боль должна остаться глубоко внутри каждого из нас, а в ежедневной жизни надо наслаждаться оставшейся нам возможностью... ну, быть друг с другом... на природе и в городе... Короче, давай больше ни слова о печальном. На моей даче тебе ничто ни о чем не напомнит, уверяю... О! – Я прибавил звук, там вовсю наяривал новенький шлагер из очередной «горячей десятки».

Через полчаса мы стояли у ворот бунгало, выстроенного еще моим старичком-ленинцем. Двухэтажный особнячок из камня и дерева, пять комнат с кухней, черепичная крыша и большая веранда, выходящая в сторону леса... Полтора гектара земли были обнесены высоким забором, часть плодородной почвы от нечего делать обрабатывала матушка: са-

жала цветочки, помидоры, огурцы, зелень... Радовали своими плодами груши, сливы, яблони и даже одно абрикосовое дерево чудом держалось в нашем климате.

Речка находилась в паре километров (если пройти через лес), и погода позволяла сегодня искупаться – всю светило солнце.

Я показал Татьяне свои скромные хоромы и предложил сбегать освежиться, мне было интересно понаблюдать за ее поведением на речке. Она легко согласилась – все-таки, похоже, последняя возможность в этом сезоне, – и мы, захватив полотенца, отправились через лес.

На берегу она постояла немного у воды, поплескала ее бо-сой ногой...

– Вперед! – крикнул я и, бултыхнувшись в речку, проплыл несколько метров. Обернувшись, увидел: она в крохотном розовом бикини – волнующее зрелище – осторожно вошла в воду. Зажмурившись, опустилась на корточки и поплыла ко мне. Мы порезвились несколько минут, потом выбежали на берег (все-таки уже не июль) и обтерлись досуха полотенцами.

На обратном пути она рассказывала мне, как любит готовить, как мама с детства обучала ее премудростям кулинарного искусства и что именно она сейчас собирается соорудить для романтического обеда, а затем ужина при свечах на веранде...

После великолепного обеда – она и вправду оказалась ма-

стерицей – мы решили побродить по лесу в поисках грибов. Было так тихо, покойно и очень уютно, что не хотелось ни о чем говорить. Я продумывал свои действия на две недели вперед, а она увлеченно ворошила суковатой палкой прелые лесные бугорки и чаще, чем я, находила то подосиновик, то выводок лисичек...

Грибной соус к тушеной картошке на ужин с овощным салатом под водочку (на нее я приналег для пущей раскованности) и шампанское – она выпила полбутылки – наш романтический вечер под легкую музыку, на веранде при свечах в осенних сумерках – это была идеальная прелюдия к дальнейшему.

...Мы вошли в комнату, чтобы посмотреть видик. Оказывается, Татьяна не видела шедевр мирового эротического кино «Девять с половиной недель», а я как раз собирался исполнить по отношению к ней роль Микки Рурка. И вот мы сидим на диване, тесно прижавшись, и она смотрит, смотрит на обольщение Бэссинджер...

Пора. Я шепчу ей на ушко: «Тоже так хочу» – и нежно провожу языком по ее губам. Она слегка дрожит и вдруг обнимает меня, всхлипывает, и мы целуемся жадно, глубоко, кажется, целую вечность... Потом она медленно снимает с себя всю одежду, подходит ко мне, мои шорты, майка и плавки летят на пол, и Татьяна как-то сразу превращается из скромной «вдовушки» в прелестную сексуальную самку – целует меня и, лаская всего, везде, шепчет: «Милый, люби-

мый, как хорошо с тобой, люблю...» А я еле сдерживаюсь, чтобы не наброситься на нее сразу, как изголодавшийся волк на долгожданную добычу. Все, занавес падает, половина дела сделана. Наши эротические упражнения, в сравнении с которыми мерцающие на экране телевизора кадры были просто ученическими, я описывать не буду. Честно говоря, Татьяна произвела на меня в постели весьма глубокое впечатление. Этот момент был критическим для всего моего плана. Завоевав такую бабу, потом грубо и цинично вытолкнуть ее из своей жизни, лишить себя подобного удовольствия? Для этого следовало быть очень заикленным на идее чудаком, но именно таким я и являлся. Поэтому уже под утро, выйдя в туман на веранде (ночью был дождик), я слушал щебет ранних птишек, курил и думал: «Спи, милая, отдыхай!.. Ты отдала мне этой ночью то, что предназначалось другому...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.